

ОЛЬГА
ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕГО ЗАПРЕТНАЯ МАЛЫШКА

Ольга Дашкова

Его запретная малышка

«Автор»

2022

Дашкова О. В.

Его запретная малышка / О. В. Дашкова — «Автор», 2022

В первую нашу встречу она обозвала меня «хамлом», во вторую – я её спас, в третью – она сбежала утром, забыв свой купальник. Потом было чистое безумие, меня, взрослого мужика, накрыло желание и страсть. Красивая, притягательная, соблазнительная, толкающая на грех...запретная.Моя запретная малышка.

© Дашкова О. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ПРОЛОГ МАША	5
Глава 1 МАША	8
Глава 2 Денис	11
Глава 3 МАША	14
Глава 4 Денис	16
Глава 5 МАША	19
Глава 6 Маша	22
Глава 7 Денис	25
Глава 8 Маша	28
Глава 9 Денис	31
Глава 10 Маша	34
Глава 11 Денис	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Дашкова

Его запретная малышка

ПРОЛОГ МАША

– Девочки, вы видели нашего нового преподавателя?

– Это, какого? Дедульку в старомодном костюме и допотопных очках с кафедры менеджмента? Он еще ходит так забавно, шаркает ногами. Вообще странно, где он – и где менеджмент?

Девочки переговаривались, не скажу, что тихо. Серафима красила и без того яркие губы, сидела задницей в облегающих брюках прямо на парте и моргала длинными ресницами.

Это я не понимаю, что она делает на нашем факультете и как вообще дожила до четвертого курса? Вот про того дедушку все как раз понятно.

Оля с Верой поддерживали беседу, я читала договор, что мне вчера дал отец, сказав найти ошибки. По его мнению, в нашей семье осталась только я одна – надежда и опора семейного бизнеса, потому что старшая сестренка Дашка вышла замуж и готовится к рождению ребенка.

Я лично на Дашку и не ставила. Наша с ней зимняя авантюра и пари о том, что и дня не проживет самостоятельно, свели ее с будущим мужем. Все, конечно, вышло забавно, но Вершинин – настоящий мужчина, уважаю его.

Я скоро стану теткой. А отец – дедом.

– Нет, что ты, тот красавчик. Вот глаз не оторвать.

– До какой степени красавчик? – Вера мечтательно улыбнулась, Оля засмеялась.

– До такой, что я готова была выпрыгнуть из трусов.

Скептически посмотрела на Симу, нет, она может, я в этом не сомневаюсь, но чтоб прямо в университете и с преподавателем... Видимо, там реально красавчик, если даже «звезду» всего потока так торкнуло.

– Даже так?

Сима убрала помаду в косметичку, поправила облегающую кофточку.

– Сим, а титьки новые или старые? – показываю карандашом на выпирающие полушария.

– Маша, фи, это дурной тон – спрашивать такое. Ах да, я забыла за лето, ты же у нас зануда. О мужчинах с тобой лучше вообще не говорить.

– Ну, о титьках-то можно. – Обожаю ее подкалывать, такая забавная.

– Ой, ну тебя, Дымова. Девочки, слушайте, иду я такая мимо нашей кафедры, а он выходит и чуть не сбил меня с ног.

– Кто он?

– Препод новый, такой модный, костюм, кожаный портфель, фигура – закачаешься, пиджак трещит по швам на плечах, у меня слюни потекли.

– Трусы-то сухие остались?

– Да, трусы сухие. – Сима скривила милое личико.

– Значит, мужик не очень.

– Ой, что ты вообще знаешь о мужчинах?

Серафима права, я совсем не разбираюсь в мужчинах, а после этого лета тем более. Погрызла карандаш, даже не хочу спорить с ней. После нескольких близких общений с мужчиной, который, я надеялась, воспримет меня не как девушку на одну ночь, остались лишь горечь и обида.

– Ну, какой он из себя? Брюнет, блондин? – Вера, самая романтическая и наивная из нашей четверки, мечтательно подперла щеку ладонью.

– Волосы такие не очень темные, стрижка модная, плечи широкие. Я ему говорю, мол, вы чуть не сбили с ног хрупкую девушку.

– А он?

– А он: «Извините, девушка, что доставил вам неудобства», сам крепко держит за талию, а у меня дыхание перехватывает и сердце бьется так часто-часто.

Господи, скорей бы началась пара, невыносимо слушать бред Серафимы. Скорее всего, все было иначе, Симка такая сказочница, хотя кто ее знает, она могла так повиснуть на шее, что клещами не оторвать. Мужик еще легко отделался от нее.

– Жаль, имени не спросила, но там вышла Зинаида Францевна, уставилась своими глазками, что-то начала нести про ответственное отношение к учебе, пришлось прервать наше знакомство.

Серафиме надо романы писать, у нее бы получилось, а богатый папочка с радостью будет их публиковать. Стараюсь отстраниться от беседы девочек, погружаясь в скучные слова и термины договора.

Не замечаю, как гул в аудитории замолкает, Серафима садится рядом, пихает меня локтем в бок. Я с неохотой поднимаю голову, смотрю вниз, у кафедры стоят наш декан, высокий и грозный Михаил Ильич Задорный, и еще один мужчина.

– Это он! Это точно он! – Сима не унимается, даже легла своей внушительной грудью на парту.

– Уважаемые студенты, рад приветствовать вас в новом учебном году, надеюсь, он будет плодотворным и полным новых открытий, а я хочу вам представить нового преподавателя макро- и микроэкономики, а также экономической статистике Константинова Дениса Олеговича.

Мужчина поворачивается к собравшимся студентам, в аудитории нас много, несколько групп, он не улыбается, лишь слегка кивает в знак приветствия. А я вот ничуть не пожалела, что сегодня села на задние ряды аудитории.

Это он. Точно он. Не может быть ни малейшего сомнения.

Подстригся, на лице модная легкая щетина вместо отросшей бороды. Ему очень идет костюм, сшитый, словно специально по его фигуре, уж я-то знаю толк в дорогих костюмах – папа всю жизнь именно такие носит.

В последнюю нашу встречу он был обросшим, как лесник с далекой заимки, в рубашке нараспашку, шортах и сланцах. Мое безумно жаркое лето, проведенное не где-то на островах Бали, а в обыкновенной деревне, вот уже второй месяц не дает мне покоя по ночам.

Лето и этот мужчина.

– Вот смотри, красавчик, правда?

Сима все не унимается, сейчас реально выскочит из трусов, декан еще о чем-то тихо переговаривался с нашим новым преподавателем, я осмотрела аудиторию, многие девочки оживились, ну, это неудивительно – у Дениса, нет, Дениса Олеговича мощная харизма.

И не только она.

– Ничего особенного, на пижона похож или альфонса.

– Машка, мне тебя жалко, ты совсем не разбираешься в мужчинах.

– Да чего в них разбираться? Кобель и бабник, сразу видно, там пробы ставить негде, наверное, еще и жена есть.

– Ой, да не может быть, какая жена? Кольца я не заметила.

– Сейчас немодно носить кольца. Сим, а то ты такая наивная, зачем ему кольцо в нашем учебном заведении? Ты посмотри, тут полно желающих закинуть ему ноги на плечи или отсосать. Как ты сама говоришь, этот красавчик может трахать всех по очереди, а еще на переменах.

Чувствую, как начинаю заводиться не на шутку. Серафима смотрит удивленно, Вера с Олей притихли.

– Маш, что с тобой?

– Да ты достала меня этим преподом.

Так, надо успокоиться.

Я – высокоорганизованная личность, мне чужды все эти эмоционально-гормональные всплески. У меня учеба, папино задание, завтра снова в офис, на выходных поеду к Дашке гладить ее круглый животик.

Что было, то было. Как говорится, не он первый, не он последний.

Хотя вот именно он и был первым.

Надела очки для чтения, закрылась бумагами. Декан ушел, по аудитории пошел гул, девочки начали задавать вопросы, большинство из них, конечно, личного характера.

– Денис Олегович, а сколько вам лет?

– Мне тридцать три года.

– А вы женаты?

– Думаю, это слишком личный вопрос.

А вот я знаю ответ на него.

Голос мужчины неприятно резал по нервам, окуная в прошлое, заставляя снова вспомнить знойное лето, вкуснейшие оладушки бабы Ани, безумно красивые, до звенящей тишины закаты.

Его губы, страстные поцелуи, сильные руки, запах скошенной травы и первой клубники.

А еще... нет, не хочу об этом думать.

Глава 1 МАША

– Жара-то, какая.

– И не говори, подай крем от загара, сгорю сегодня вся, буду сметаной мазаться.

Лежим с Зойкой на двух раскладушках под черемухой у забора. Из динамиков телефона негромко играет музыка, солнце жарит так, что реально чувствуешь, как оно печет кожу.

Но мне хорошо, мне безумно хорошо.

– Удивляюсь, как твой папа отпустил тебя со мной и не приставил охранника или телохранителя?

– Папа мне доверяет, я же не Дашка, та не успела пройти практику, как нашла мужика и залетела.

– Ну, Вершинин классный и так любит ее, я рыдала на их свадьбе.

– Там все рыдали, сама пустила слезу, до чего счастлива за сестренку, пристроили в хорошие руки, волноваться меньше. Всем бы такого Вершинина, но он единственный и уже занят.

Зоя смеется, переворачивается на живот, а я на спину.

– Вот я и говорю, странно, что ты не поехала куда-то на Бали или в Европу, а так легко согласилась на мое и бабулино предложение. Наша деревня – это не городок в уютной Греции.

На самом деле я не хотела вообще отдыхать, было два интересных проекта, но папа настоял, а тут Зоя, которая, кстати, моя троюродная сестра по маминей линии, пригласила провести пару недель в очень экзотическом, по ее понятию, месте – в деревне с живописным названием Камыши.

Сама Зойка классная, мы ровесницы, она простая, веселая, учится в педагогическом университете на логопеда. Длинные волнистые волосы отливают рыжиной, на носу и щеках россыпь веснушек, задорная улыбка и светло-карие глаза.

Не скажу, что толстушка, но фигурка у нее аппетитная, и грудь, и попа что надо, а главное, она ничуть не стесняется своего лишнего веса. Ест все подряд, запивая молоком и закусывая хлебом.

– Папа сказал, надо не забывать свои корни, да и бабу Аню лет пять не видела.

– Ой, ей только в радость, так обрадовалась, что мы приедем, пирогов напекла, а вечером будет борщ.

Чувствую, мне тоже надо будет научиться не стесняться своего лишнего веса, который точно появится, после такого отдыха по системе «все включено – расширенное меню».

– Сто лет не ела борщ.

За забором послышался шум, соседи что-то переставляли и при этом много раз роняли, матерясь.

Экзотика. Ну, на каком Бали я еще встречу такой отборный русский мат? Только от таких же туристов.

Лежать надоело, поднялась с раскладушки, потянулась, поправляя слишком откровенный и яркий купальник для деревенской местности, но другого купить не успела.

– Маш, там шланг, включи воду, сил нет, жара какая, надо освежиться, потом пойдем на речку.

Нашла в траве у грядок шланг, открыла кран, вода хлынула сильным напором, окатив меня сразу всю, завизжала от неожиданности, но это был такой кайф, что не передать.

– Вставай, хватит лежать булки жарить, и так уже как курица копченая.

Направила воду на Зою, та подскочила с громким криком и смехом, начала кидаться в меня всем, что попадет под руку:

– А, ну прекрати, Машка, я поймаю – в бочку тебя окуну.

Так мы и бегали, крича и смеясь на весь участок, обливая друг друга водой, как маленькие дети, пока я не наткнулась на злобный взгляд соседа, чья голова торчала над забором.

– Ой, здравствуйте.

Зойка налетела на меня, я дернула шланг с водой, обливая человека у забора.

– Может быть, вы прекратите орать на всю деревню?

Не поняла такой наглости и наезда в наш адрес.

– Здрасте. – Зоя улыбнулась, поправляя купальник.

– Забор покрасьте. А, ну, замолчали и дали отдохнуть дяденьке.

– Зоя, это кто?

– Не знаю, к соседям, может, кто из родни приехал.

– Мужчина, вы кто?

– Конь в пальто.

– Вы забыли, где ваше стойло, если вы конь?

Все знают, что Маша Дымова за словом в карман не полезет. А когда вот так нагло плятятся, я вообще не выношу.

Хочу разглядеть, что за мужик, но солнце светит прямо в глаза, на нем широкополая соломенная шляпа пятидесятих годов, и видно только отросшую в бороду щетину. Сколько ему лет и кто он вообще такой, чтоб указывать, что нам делать?

Медленно иду к крану с водой, нагибаясь, делаю напор больше и направляю на него.

– Вот же сучка какая.

– И вам хорошего дня, мужчина.

Зоя смеется, вновь начинает от меня убежать почти по грядкам, вот нам обоим не поздоровится и точно достанется за лук от бабы Ани.

– Ты видела, какой наглый? Совсем никакой жизни нет, даже на собственном участке не дадут веселиться.

Снова лежим на раскладушках, мокрые и счастливые, лопаем первые огурцы с теплицы.

– Да, странный тип, надо будет узнать, кто такой и откуда такой дерзкий.

Не выдержала, через полчаса подошла к забору, пока Зоя ушла в дом искать сметану. Поднялась на носочки, но все равно не достала до края, пришлось прикатить чурку от поленницы.

Забралась, вцепившись в край, заглядывая на соседский участок. Одноэтажный кирпичный дом, большие окна, все вокруг вымощено плиткой, клумбы с цветущими пионами, грядки, все как у всех в деревне.

Из будки вышел здоровый пес, потянулся, звеня цепью, затем из пристройки – наверное, это баня – вышел мужчин. Купальные шорты до колен, босиком, снял соломенную шляпу, кинул ее на лавку, туда же полетела клетчатая рубашка.

А я немного зависла.

Потому что фигура у мужика была, можно сказать, идеальная. Широкая загорелая спина, по ней тянулись цветные татуировки, которые переходили на руки. Вот он окунул в бочку с водой голову, потом вынырнул, трясая ей, убрал волосы назад ладонями, повернулся к солнцу, подняв лицо в небо.

Я снова зависла.

По груди с небольшой черной растительностью стекала вода, татуировки загадочными рисунками шли по левому плечу вниз до запястья. На животе четко выделялся пресс, взгляд скользнул по накаченным крепким икрам.

Здесь что, слет бодибилдеров?

А я назвала его конем и посоветовала идти в стойло. Он бык, а не конь, и не такой старый, как я решила.

Мое полено поехало в сторону, я громко вскрикнула, собака залаяла, а я все-таки не удержалась и упала на грядку.

– А подглядывать нехорошо. Или ты такая дерзкая, что решила, тебе все можно?

Мужчина смотрит на меня с высоты забора, улыбается такой наглой и пакостной улыбкой, что хочется чем-то заехать ему по лицу.

– Мне – да, можно все.

Медленно поднимаюсь, проявляя бикини.

– Трусы еще поправь, а то их попка скушала.

– Благодарю.

Так же медленно иду за шлангом, виляя попкой, включив воду, направляю на себя, смывая землю и траву, проводя руками по телу. И откуда во мне сейчас взялась вся эта пошлость? Никогда не замечала за собой такой показной откровенности.

– Вот же сучка.

– Хамлю.

Выключив воду и бросив шланг, гордо ухожу в дом.

Глава 2 Денис

– Сучка маленькая.

Провожая девушку взглядом, она виляет бедрами, упругая попка совсем ничем не прикрыта, вот она ведет по ягодицам ладонью, поправляя тонкую тесёмку, что запряталась между ее упругих полушарий.

Сучка.

Башка и так раскалывается после вчерашнего, а еще эти две девицы за забором визжали и хохотали на всю деревню как резаные. Не выдержал, вылез посмотреть, чуть не ебнулся с забора.

Порно-ролик яркими картинками мелькал перед глазами, две почти голые девушки, одна пышка с третьем размером груди и с уже обгоревшей на солнце спиной. Прыгала так, что еще немного – и порвутся тонкие лямки лифчика, и все ее «богатство» вывалится наружу.

А другая – брюнеточка с собранными на макушке волосами, что поливала подружку и себя из шланга водой, с ярким подобием на купальник, от которого рябило в глазах, хотя назвать три треугольника купальником язык не поворачивался.

Смотрел на их игрища как в замедленной съемке, точно мозг поплыл от водки и палящего солнца. К сорока градусам, что были во мне вчера, прибавились еще тридцать пять на улице.

Вот брюнеточка направляет воду на себя, кожа моментально покрывается мурашками, соски твердеют под тонкой тканью, потоки воды стекают по плоскому загорелому животику. Поворачивается спиной, прыгает, упругая круглая попка колыхается, а я чувствую конкретный стояк, упирающийся в забор.

Это все водка и жара.

Да они малолетки, сколько им? По восемнадцать?

Но когда эта знойная брюнеточка с пухлыми губками и большими карими глазами открыла свой ротик, то я охренел.

Назвала меня конем и указала, что мое место в стойле. А еще окатила водой.

Ушел, ну их на хрен, спорить с бабами, да еще с похмелья – только голова еще больше заболит.

Лег на лавку в тени бани, прикрыл глаза, хотел расслабиться, но не тут-то было. Яркие вспышки, купальник, торчащие соски, даже слюна скопилась во рту, как захотел почувствовать их на языке.

Так, Денис Олегович, спокойно, это всего лишь похмелье, так бывает.

Я взрослый мужик, я могу держать себя в руках и контролировать эмоции, а уж тем более стояк. Приподнялся, отодвинул шорты, набухшая головка члена блеснула смазкой, а он сам стоял, налитый кровью, готовый на все.

Вот сейчас умора будет, вернется с рынка тетка, а я такой прекрасный, с торчащим в небо хером, валяюсь на лавке.

Встал, держась за голову, бросил в сторону дурацкую шляпу, снял рубашку, окунул голову в бочку с водой.

Господи, дай мне сил не спиться здесь и не начать мастурбировать, как малолетка.

За забором услышал шум, тихо, но быстро подошел, моя маленькая виновница взбунтовавшихся гормонов упала на грядку.

Вот же развратница малолетняя, она даже перепачканная землей хороша. Кто вообще такая? Надо узнать.

– А подглядывать нехорошо. Или ты до такой степени дерзкая, что решила, тебе все можно?

Перекинулись парой фраз, обозвала хамлом и вновь взорвала мою фантазию, поливая себя из шланга. Вот брызги воды играют на солнце, руки гладят грудь, животик, попку, а мой хер сейчас проломит забор.

Ушла.

Гадина какая.

Ну не может меня вести так на малолеток, я-то знаю. Это точно водка паленая была. Голову заломило от боли, надо или похмелиться, или лечь спать и не думать ни о чем.

Тем более о бабах.

Хватило мне одной, гори они все в аду.

Зашел в предбанник, где я обитаю последние три дня, на столе грязная посуда, в углу еще семь бутылок водки, но уже воротит от нее. Жадно выпил из ковша, зачерпнув воды из ведра. Лег на топчан, закрыл глаза.

Надо трезветь, приходиться в себя и наколоть тетке дров, как и обещал. Не я первый, не я последний, от кого уходит жена. Так ведь и не изменила, просто, видите ли, надоело ей, хочет ярких эмоций, впечатлений, путешествий. Я, оказывается, торможу ее развитие.

Развитие?

А то, что я на работе ебашил с утра до ночи, зарабатывая на нашу, такую, по ее словам, неяркую и скучную жизнь, ее не волновало. Так я ведь ни разу ее не упрекнул, что не работает, что просто сидит дома, не мешал ее, так сказать, развитию, которое, оказывается, заключается в том, что жизнь надо сделать ярче.

Ну, значит, не судьба. Переживу.

А ведь любил ее как ненормальный, добивался, друзья крутили у виска пальцем. Блондинка с голубыми, как морозное небо, глазами, красивая, как Снежная королева, а я как дурак стоял рядом с ней.

Ухаживал почти год, предложение сделал, согласилась – так счастлив был, словно миллиард долларов выиграл. И вот через два года брака наша жизнь оказалась скучной и пресной. И откуда у нее все это взялось? Родители – простые люди, как и мои, подружки только курицы, или это был просто предлог уйти к другому мужику?

Стараюсь не думать и не анализировать, но так уж устроен мой мозг, что любому поступку должно быть объяснение и причина. Лучше уж думать о той девчонке в ярком купальнике, она отвлекает, хоть и член стоит колом.

Наверное, заснул, во сне перед глазами снова наглая брюнеточка, ее мокрая и прохладная кожа под ладонями. Тихий смех, я не могу разглядеть ее лица, потому что она то запрокидывает голову, то отворачивается.

Хочу поцеловать, попробовать на вкус ее губы, тянусь, но резко просыпаюсь, оттого что меня окатывают холодной водой.

– Денис, проснись, совсем тут одичал, а ну, пойдем ужинать.

Ничего не соображаю, резко сажусь, тетя Марина держит в руках ковш и смотрит с укором. Да, я сейчас ничем не отличаюсь от ее покойного мужа-алкоголика, но черт, это генетика – страшная сила.

– Извини.

– Давай, и хватит, отвел душу, и будет. Девочек на свете много, ты парень видный и умный. В нашей деревне полно молодых, одиноких, девушки что надо, сочные, статные, потом познакомлю, побрить только тебя не мешало бы, а то чистый леший.

– Может, не надо?

– Брить?

– Девочек статных и сочных.

– Ой, да потом спасибо скажешь, давай вставай, щей кислых наварила, с похмелья самое оно.

– Ши – это хорошо.

Тетка ушла, хорошая она, добрая, но слишком активная. Наверное, по всей деревне раззвонила, что приехал любимый племянник с душевной раной, которую срочно нужно заллзать. Хотя, может, и обойдётся.

Яйца давит болью, снова заглядываю в шорты, член так и стоит. Хотя порно смотри и передергивай. И это все та маленькая зараза и странный сон. Нет, не может быть, это водка и мало закуски.

Сейчас окунусь в бочку, и все пройдет.

Снял шорты, голышом прошел за угол бани, не раздумывая, залез чан с холодной водой.

– Ой, твою же мать, хорошо-то как.

Глава 3 МАША

– Ну что, пойдём на речку?

– Зой, не могу, я сейчас лопну.

Лежу на диване после чрезмерно сытного ужина. Не понимаю, как в меня столько влезло? Я даже ходить могу с трудом. Такое ощущение, что сейчас я, как Дашка, на шестом месяце беременности.

– Давай полежим полчасика и пойдём, Пашка обещал заехать.

– Кто у нас Пашка?

Теперь мы с Зойкой лежим рядом, вяло переговариваемся, борщ и пироги бабы Ани просто пушка, невозможно было оторваться, надо нашего повара увольнять.

– Пашка, ну, это Пашка Перепелкин, местный парень.

– Перепелкин? Реально? Ты Синицына, а он Перепелкин, да уж, дела. У вас роман?

Улыбаюсь, рада за Зою, а вот у меня нет и не было никого, даже стыдно кому сказать. Хотя почему стыдно? Просто неудобно. Мне двадцать один год, а я все еще не целованная девственница.

Тот случай, на Новый год с Сергеевым, который лез с пьяной рожей и терся об меня, не считается. Он потом долго визжал, когда получил по яйцам, после этого случая меня в нашей компании парни обходят стороной.

– Ой, да какой роман, так... как приезжаю на каникулы или на выходные, он тут как тут. Пашка кузнец, у них с отцом своя кузница и конюшни.

– Как романтично, так он приедет на белом коне к своей принцессе?

– Надеюсь, что нет.

Переворачиваюсь, смотрю на Зою, та улыбается, даже покраснела.

– Ты влюбилась, точно влюбилась. Расскажи, какой он, этот Пашка Перепелкин?

Так интересно слушать чужие истории любви, когда Дашка рассказывала, я почти рыдала, а выдавить из меня слезу трудно.

– Блин, Маш, ну это же Пашка, мы знакомы со школы, я училась здесь до восьмого класса, жила, пока в город не переехали, всегда вместе дурачились, а как этой весной приехала, баба Аня приболела, так совсем по-другому на него посмотрела, и он на меня.

– Ну, так и что дальше?

– Ой, да что может быть дальше? Я в городе, он тут, я хотела совсем другой жизни, не в деревне, а он не уедет никуда, а я не могу остаться.

– Почему? Мне казалось, если любишь, то все равно где, лишь бы любимый был рядом.

– Это тебе хорошо рассуждать, Маш, ваша семья – это отдельная история, когда богат, можешь позволить себе все, хоть и рай в шалаше, зная о том, что на твоём счету кругленькая сумма и квартира в центре города.

– Зря ты так думаешь.

Слова Зои немного обидели, никогда не замечала за собой того, что кичусь деньгами, к тому же они не мои, а отца. Дашка вот не повелась на это все, выбрала Вершинина, он, конечно, тоже не из бедных, но папа пророчил ей другого жениха, так же как и мне.

Я знаю все его планы, и если со старшей дочерью не получилось слияние компаний, то думает, у него это выйдет со мной. Странное и опасное заблуждение.

– Да не думаю я так, Маш, но ведь так и есть на самом деле.

– Может быть. – Не стала спорить с сестрой, не понять мне, пока не влюблена и не готова на все ради этого чувства. – Так что Пашка, думаешь, у него все серьезно?

– Ой, не знаю, у меня сердце замирает, когда он рядом, вот реально, как дура себя веду. Хихикаю, краснею, стесняюсь... это я, да стесняюсь, никогда такого не было.

За окном послышались жуткий шум, громкая музыка, потом три коротких гудка, залаяли собаки. Зойка соскочила с дивана, поправляя короткий халатик, отодвинула шторку, снова заулыбалась.

– Пашка?

– Ага. Давай напяливай купальник, бери полотенце, поедem на речку.

– Так вечер уже.

– А вот это самое классное – не жарко, вода как парное молоко.

Зоя засуетилась, начала сама надевать купальник, искать полотенце, одно кинула в меня.

Ничего не оставалось, как окунуться и в этот местный колорит, попробовать парного молока в виде воды и, наконец, познакомиться с кузнецом Пашкой Перепелкиным.

– Пашка, паразит такой, выключи музыку, собака от нее с ума сходит. Пашка! Слышишь меня, сволота такая? Все отцу расскажу, у меня от твоего грохота куры не несутся.

Баба Аня ругалась, Зойка млела около молодого высокого и крепкого парня, а я скептически оглядела мотоцикл с люлькой, на котором, я так поняла, нам предстоит поездка на реку.

– Паша, это Маша, моя троюродная сестра.

– Очень приятно.

Парень улыбнулся, поправил бейсболку, на щеках появились ямочки. Они идеально смотрятся вместе: молодые, открытые, и видно, что влюбленные.

– Ну что, погнали? Маш, ты ездила на таком звере?

– Нет.

– Зой, а давай ее познакомим с братом моим, Сашка будет только счастлив.

– Перебьется твой Сашка, пусть он с Ереминой разберется, а то крутят шашни, а думают, что никто не знает.

Да, деревня – это отдельная вселенная, все обо всех и все знают. Сериалы смотреть не надо, стоит только послушать местные сплетни – и затянem.

Меня почетно усадили в люльку, я вцепилась в поручень, мотоцикл взревem мотором, резко тронулся с места, мы с Зойкой завизжали, а Пашка прибавил газа.

Это было что-то с чем-то.

Такого адреналина я не ловила даже на американских горках в парке. Доехали быстро, можно было пройти пешком, но вид, что открылся перед нами, завораживал.

Ровная гладь воды, ни ветерка, солнце медленно садится за деревья, оставляя на реке яркий след, странно, что народу почти никого. Я снова зависла, но уже на красоте природы и ее первозданности.

Вот сижу я на занятиях или в офисе, зарывшись в учебники, книги, сводки, цифры, и не вижу ничего этого.

Паша с Зоей тихо переговаривались, не хотела им мешать, пошла к воде, отбросив сланцы. Песчаный берег, справа заводь с высокими кустами и камышами, на том берегу реки сидят рыбаки. Скинула летнее платье, зашла по колено в воду.

– Ай, Пашка, прекрати, даже не думай, отпусти немедленно.

Зойка визжала, а Паша нес ее на руках в воду. Точно кузнец, сразу видно, руки накачанные, сам здоровый, крепкий. Сестра держалась за него, а сама светилась от счастья.

Позавидовала первый раз.

Именно вот такому моменту. Тоже хочу вот также дурачиться с любимым человеком, чтоб меня носили на руках, а сердце замирало от счастья.

Пашка наконец бросил свою ношу в воду, окунулся сам, а я, посмотрев в небо на первую яркую звезду, загадала влюбиться.

Зря, конечно, я это сделала.

Глава 4 Денис

Даже здесь нет никакой тишины. Сбежал из дома, пока тетка не привела знакомую молодую-сочную-холостую аборигенку. Хотел послушать птиц, журчание воды, слиться с природой, успокоить стояк.

Но нет, не тут-то было.

Снова шум, визг, словно я не в деревне на берегу речки, а на городском пляже в субботу вечером. Встал, вытянул шею, из-за высокого камыша были видны заводь, гладь воды и дерзкая сучка-соседка.

От яркого купальника снова зарябило в глазах, кусочек ткани обтягивал упругую попку. Вот дерни за две веревочки, и она без трусов совсем. Это, блять, вообще законно – так ходить в деревне? Здесь моя-то психика не справляется, а если местные придут?

Моя заноза была не одна, с ней вместе оказались полненькая подружка и здоровяк. Они резвились в воде, как два бегемотика, брызги летели в разные стороны. Брюнеточка смеялась тоже, но вот она опустила в воду, медленно поплыла.

Стою, наблюдаю из-за кустов, как опытный извращенец, член снова давит в шорты. Девушка откинулась на спину, расправила руки, течение несло ее в сторону. Солнце красиво садилось, оставляя на глянцевой глади золотую дорожку.

Даже сам засмотрелся, но то, что произошло дальше, насторожило. Девушка перевернулась, начала быстро плыть к берегу, но ее от него относил все дальше. Вот она пропала с поверхности, снова вынырнула, взмахнула руками.

Посмотрел на ее друзей, те целовались в воде, естественно, не смотрели по сторонам, а их подруга, кажется, тонула.

Кинулся в воду, пробираясь сквозь камыши, пульс стучал в висках, кровь адреналином неслась по венам. Казалось, что я не успею, вот она совсем ушла, нырнул, сцепив зубы, ухватил за руку, потянул наверх.

Все, как учили десять лет назад, когда работал спасателем на пляже в Сочи, каждое лето живя у отца. Плыву к берегу, обхватив ее под грудью, таща девушку за собой. Подхватив на руки, выношу, она почти невесомая, такая хрупкая, маленькая.

Но как только я хочу уложить ее грудной клеткой на свое бедро, чувствую, что мою шею сильно сжимают. Замираю на месте, тяжело дышу, смотрю на свою ношу. Глаза больше испуганные, на ресницах капли воды, губы трясутся.

– Испугалась?

Кивает, кожа бледная, а сама дрожит так, что меня самого начинает колотить.

Всхлипывает, кусает губы, они у нее красивые, полные, наверняка мягкие на ощупь. Еще немного, и начнется истерика, самая настоящая, так бывает, каждый человек по-разному реагирует на стрессовые ситуации.

Ухватив за шею, тяну на себя, целую. Ее губы на самом деле мягкие, прохладные, а еще вкусные. Не могу оторваться, сминая, покусываю их; девушка замирает лишь на миг, а потом, приоткрыв рот, позволяет проникнуть в него языком.

А вот здесь, при первом касании наших языков, меня срывает, как бешеного пса с цепи. Знаю, делаю больно, громкий стон, ее острые коготки царапают кожу головы, зарываясь в волосы.

Не помню, чтоб меня так вело от поцелуя.

Возбуждаюсь, член дергается в шортах, самого всего трясет, с силой сжимаю ее талию – так, что она стонет еще громче.

Что это вообще такое? Недотрах? Жуткое похмелье? У самого стресс?

Насилую ее рот, засасывая то губы, то язык, она вся дрожит в моих руках, не пойму, отчего – от желания или от холода? Все вокруг замирает, в груди горячо, словно вот-вот разорвет огненный шар, меня ведет в сторону, еще немного – и я положу ее на песок, сорву бледские трусики, закину ноги на плечи и войду изнывающим членом в ее киску.

– Маша! Машка, ты где? Маша!

Девушка вырывается из моих рук, но я-то держу крепко, крыша едет окончательно, начинаю целовать ее лицо, глаза.

– Пойдите, отпустите, да отпустите вы меня.

Только после шлепка по груди маленькой ладошкой останавливаюсь, смотрю в лицо, брюнеточка хмурит брови, в глазах все еще отражается закатное солнце, они у нее черные, как бездна, в которую я только что падал.

– Поставьте меня. – Голос требовательный.

Медленно опускаю на песок, стою рядом, смотря на нее сверху вниз. Сколько ей лет? Хоть есть восемнадцать, а то мне еще статьи не хватало за соращение малолетних. Всегда думал, что у меня на них стойкий иммунитет, я ведь работаю именно с такими, некоторым из моих студентов еще нет и двадцати.

– Спасибо, не знаю, как так вышло, ногу свело, течение холодное. Я так, вообще-то, хорошо плаваю, но растерялась.

Говорит, смотря прямо в глаза, вот сейчас в ней нет той дерзости и наглости, что была днем, но и не строит глазки, пытаюсь кокетничать, как это обычно делают молоденькие студентки.

Да что я все сравниваю ее с ними?

– Бывает... – Не узнаю свой голос – хриплый, а во рту все еще вкус ее губ, не пойму только какой.

– Маша! Машка, ты где? Маша!

Крик друзей становится все громче, но нас не видно из-за высоких камышей.

– Тебя потеряли.

Не хочу отпускать, реально не хочу, так бы утащить в кусты, содрать эти веревочки, даже губы зачесались, как захотел попробовать ее грудь. Точно похмелье, иначе это назвать не могу.

– Я Маша.

Она так смотрит, а меня пробирает до нутра, вода стекает с волос по шее на грудь, облизывает губы, замечаю на них свои укусы. Хочу выпить, нет, нажраться в уматину, чтоб не помнить, что было, и этого поцелуя не помнить тоже.

Веду взглядом вниз по фигуре, кожа покрыта мурашками, замерзла, вся дрожит, надо бы согреться ей.

– Тебя друзья потеряли.

– Да, слышу.

Но так и стоит, не двигаясь с места.

– Я пойду, еще раз спасибо.

Быстро уходит по берегу, пробираясь сквозь кусты, не смотрю в ее сторону, лишь сжимаю кулаки.

Дебил великовозрастный.

Мог хоть назвать свое имя, предложить проводить до дома. Совсем мозг расплавил. Слышу взволнованные голоса, снова захожу в воду, солнце уже село, лишь луна тонким полумесяцем светит на нее и пара звезд.

Размашисто плыву – просто вперед, неважно куда. Движения четкие, размеренные, вдох, задержка дыхания, выдох. Почти на середине реки откидываюсь на спину, смотрю в небо.

В голове ни одной мысли, только глаза этой девчонки и ее полные вкусные губы. А ведь мне не восемнадцать лет, а все тридцать три, возраст Христа, переломный и решающий.

Самое время начинать жить с чистого листа.

Ну, ничего, немного подумаю, приду в себя, может, наконец пожелаю своей жене всего хорошего. А через полтора месяца работа, надо еще к отцу слетать, дел полно.

Маша – красивое имя, не думал, что так понравится, да и девочка красивая. Не для меня, старый я, да и тараканов полно в голове, проблем. Но выпить надо – за спасение дерзкой и запретной для меня малышки.

Глава 5 МАША

Руки все еще трясутся, в голове шум, губы горят. Не знаю, что потрясло больше, поцелуй этого мужчины или то, что я тонула, а он спас.

Господи, ведь реально могла погибнуть в этот прекрасный летний вечер... Какой кошмар. В самом расцвете лет, нет, не дожив до рассвета, мне даже нет двадцати двух лет.

– Маш, где пропала? Мы отвлеклись на минутку, а тебя уже нет.

Зоя смотрит с тревогой, Пашка тоже. Да, конечно, переживали они, лизались снова, так утони – и не заметят. А утром всплыву в соседней деревне, под кваканье лягушек и пенье птиц.

– Плавала, течение унесло.

– Да, кстати, тут небезопасное место, мужики здоровые тонули, и не раз, тем летом дядя Макар пропал, искали три дня, нашли в семидесяти километрах вниз по течению.

Пашка говорит это так, между прочим, как прогноз погоды рассказывает. А раньше он не мог все это поведать? Чтоб я и не смела соваться в воду.

– Ой, Паш, не пугай так, дядя Макар был пьян, бог прибрал бедолагу. Он, как жену схоронил по зиме, все заливал горе.

Вот бы и меня прибрал, если бы не бородатый сосед, который целуется так, что ноги отнимаются. А я еще грубила и обозвала обидно. Неудобно вышло.

– Да, спасибо, Паша, что предупредил.

Чувствую, как меня все еще колотит изнутри, надо успокоиться, а не могу. С третьего раза застегиваю на платье пуговицы.

– Маш, ты чего?

– Морозит что-то, как бы не простыть.

– Да, так бывает, у нас недавно в конюшне кобыла одна чуть копыта не откинула, а всего лишь перегрелась.

– Паша, прекрати! – говорим с Зойкой громко и хором, что-то уже не хочется слушать истории, как кто-то когда-то откинул копыта.

– Надо выпить, есть самогон.

Солнце давно село, яркая луна освещала берег, Пашка разжег костер, достал из рюкзака бутылку с прозрачной жидкостью, один складной стаканчик и три яблока.

Спиртное я пила, но вот самогон еще не приходилось дегустировать.

– Давай уже наливай, девочку колотит всю.

Это, наверное, стресс, все из-за него, после случившегося накрыла паника, в голове мысли накатывались одна на другую: а что было бы, если бы я утонула?

Страшно представить.

Губы горели огнем, залпом выпила сразу полстакана, дыхание перехватило, закашлялась, зажала рот ладонью, из глаз брызнули слезы, а через несколько секунд тепло растеклось по всему телу.

Вот это я понимаю – антидепрессант. Никакое мартини или самое дорогое дрянное шампанское не сравнится, да что там, виски отдыхает.

– Дыши давай, закусывай яблочком, а то развезет моментально, это же первак, самый чистый и крепкий. Натурпродукт, почти семьдесят градусов.

– Сколько? Я точно уйду живой с этого берега?

– Не ссы, от него еще никто не умирал,дохнут те, кто пить не умеет или лезут потом на кураже, куда их не звали.

– Надо папе привезти сувенир с каникул.

– Обязательно, и конины вяленой в закуску.

А Пашка оказался умным парнем, Зойка сидела рядом с ним, светила от счастья, она тоже выпила, смачно откусив яблоко. Паша пить не стал, потому что за рулем и у него две леди в карете, сам так сказал.

Костер трещал сухими ветками, пускал искры в темное небо, я расслабилась и после третьего стакана опьянела окончательно.

Хотелось любить весь мир, танцевать и смеяться. Пашка травил байки из деревенской жизни, ту кобылу, что перегрелась, удалось спасти, откачали и отпоили.

Я путалась в именах и прозвищах местных жителей, но Зойка схватывала на лету, смеялась, трясла рыжей гривой и внушительным размером груди. Отчего Паша все чаще задерживал на ней взгляд и облизывался. Такие милые они.

Потом смеялись всю дорогу, пока ехали домой на мотоцикле, пели песни, но жаль, недолго. Меня высадили у калитки, за соседским забором пес гавкнул пару раз и ушел, волоча цепь.

– Маш, ты иди, мы еще покатаемся.

– Конечно, конечно, вы катайтесь сколько угодно. Легче на поворотах, а то в люльке трясет.

– Да мы постараемся.

Меня слегка качнуло, удержалась за забор, мотоцикл проревел на всю улицу, вновь разбудив собак, поморщилась. Задрав голову, посмотрела в ночное небо, казалось, что на нем миллион звезд, они кружатся, унося меня в калейдоскоп ярких картинок, а в голове ни одной мысли.

Понимаю алкоголиков: спиртное уносит в далекие галактики, отключая от внешнего мира, давая спокойно делать любую глупость. Прошла вдоль забора, дернула калитку. И почему не горит ни одного фонаря? Так же можно ноги переломать. Экономят, наверное, на электроэнергии.

Иду медленно, вытянув руки, в голове играет веселая музыка, у тараканов дискотека, везет им. Совсем не помню расположение двора и где вообще вход в дом, не хочу звать бабу Аню, спит, наверное, женщина давно.

И представляю ее лицо, когда она увидит умницу, отличницу Машу Дымову, дочку олигарха, пьяную почти в уматину. Новое слово в моем словарном запасе, спасибо Пашке.

Прыснула со смеху, зажав ладонью рот. Видел бы меня папа, не поверил бы своим глазам.

Замерла на месте, потому что ног коснулось что-то холодное и мокрое. Лягушка? Улитка? Змея? Адреналин взорвался в крови, растекаясь по телу жаркой волной.

– Грей, фу. Место.

Мужской голос прозвучал тихо и грозно, по телу побежали мурашки.

– Ой!

– Вот тебе и ой. Ты все-таки утонула и явилась ко мне призраком?

– Нет... я не знаю... я... вроде живая.

Снова звон цепи, где-то внизу дышит собака, мою руку сжимает горячая мужская ладонь, запах древесины, кожи и смолы. Мне нравятся они.

Ничего не говорю, и он молчит, сосед наш, спаситель и фаворит моего почти нулевого рейтинга по мастерству поцелуев.

Господи, дура какая.

Мужчина ведет пальцами до локтя, стоит очень близко, широкоплечий, сильный, высокий, мой лоб на уровне его губ. Ему бы пошло быть егерем в лесу, бродить, обходя владения, и стрелять из ружья в браконьеров.

Не знаю, кто он. Даже имени его не знаю.

Меня ведет снова в сторону, удерживает, слышу тихий смех.

– Напилась?

– Нет.

– Сегодня можно, в день рождения можно все.

Не понимаю, о чем он, но когда доходит, меня снова целуют, запрокинув голову, сжав пальцами подбородок. Настойчивый и требовательный поцелуй, сразу проникая языком, практически насилуя мой рот, в то же время лижет губы, лаская их так.

– Что пила? Самогон?

– Да, – не ответ, а стон, тело налилось истомой, чувствую, как затвердели соски, легкие спазмы внизу живота. – Пашка сказал, первак.

– Хорошая вещь. А кто у нас Пашка?

– Сын кузнеца.

– Романтично.

– Зойкин парень.

Странный диалог, мужчина все еще прижимает меня к себе, гладит по лицу пальцами, задевая зацелованные губы, а у меня перед глазами все расплывается. Только кровь гудит в ушах и сердце от волнения стучит в груди.

Когда Дашка рассказывала о встрече со своим Вершининым, я лишь крутила пальцем у виска, думая: ну господи, что за бред? Нельзя так зависеть от мужчины и терять себя рядом с ним. Но вот, оказывается, можно, а ведь я даже не знаю его имени, но готова отдаться прямо сейчас.

– Сейчас? Ну как скажешь.

Я что, сказала это вслух?

Взлетаю вверх, голова кружится, меня куда-то несут на руках, теперь запах дерева становится сильнее, мягкая поверхность под спиной, снова поцелуи, но уже шее. Крупные ладони сжимают бедро, затем ягодицы.

Сейчас что, будет мой первый в жизни секс?

Глава 6 Маша

Почему так хочется пить?

– Зоя, – шепчу чуть слышно, не могу разлепить веки, словно в них кто-то налил клея. – Зой, ты здесь?

Шарю рукой под подушкой, чтоб найти свой телефон и посмотреть, сколько времени, но вспоминаю, что я не дома, а в гостях. Мысленно представляю, что на Зойкином диване мы спим вдвоем.

Тяну руку, натыкаюсь на тело, толкаю:

– Зоя, проснись.

Вместо Зойкиного «отстань» я слышу кряхтение, невнятное бормотание низким голосом. Насторожилась.

Кто это? Пашка?

Нет, не может быть, они вчера уехали, я пошла домой, а потом...

А потом...

Звон цепи, мокрый собачий нос утыкается в ладонь, мужские руки, поцелуй, разговор про самогон, меня куда-то несли.

О! Мой! Бог!

Нет.

Да нет же. Нет.

Твою же мать.

Вот теперь веки разлепились, в помещении не так светло, но все видно. Прямо передо мной лежит мужчина, тот самый бородатый сосед и мой спаситель. Прикрытый лишь тонкой белой простыней, так что все равно видно все его причиндалы, которые призывно топорщатся.

Сглатываю скопившуюся слюну, чтоб хоть как-то смочить горло. Отодвигаясь к стене, зажимаю рот ладонью. Рассматриваю мужчину – широкие плечи, мускулы буграми, густые брови, ресницы, отросшие волосы, сильно отросшая щетина. Мощная шея, он глубоко дышит, грудь вздымается равномерно.

Правая рука почти вся забита татуировками, какие-то письмена, цифры, символы. Они уходят на плечо и часть груди. Что-то в стиле древнего языка ацтеков и народов майя, видела такие в книгах и передачах по познавательным каналам.

Вот мужчина закряхтел, потянулся, я испуганно вжалась в деревянную стену. Простыня окончательно сползла с него, открывая моему взору полувозбужденный половой орган.

Нет, я видела мужской член, в порно там, в кино, это не открытие и не шок, еще не хватало краснеть и строить из себя скромницу. А эрекция – это вообще распространенное явление по утрам, так в учебниках пишут.

Член крупный, крайняя плоть закрывает головку, вокруг мало растительности, все аккуратно выбрито. Как интересно. Сейчас так модно?

За размышлениями о моде на интимные стрижки, наверное, все происходящее для меня реально было шоком, я в последний момент заметила, что сама голая.

Отодвинула простынь, да, действительно голая. Но я помню точно, что была в купальнике и легком платье. Мы поехали на речку, я чуть не утонула, этот мужчина меня спас, потом целовал так, словно последний раз. Потом мы выпили первача, да простит меня папа. Затем снова встретила своего спасителя, поцелуй – и вот я тут.

У нас был секс?

Пытаюсь прислушаться к своим ощущениям, так, Мария Владимировна, соберись, трогаю грудь, соски торчат, спускаюсь по животу вниз, между ног влажно.

А что, если это правда?

И сегодня ночью у меня случился первый секс?

Я была пьяна в уматину, как говорит Пашка, и ничего не помню. Но хоть какие-то ощущения должны быть? Кровь на постели, боль в области промежности? Ощущение того, что случилось что-то невероятное?

Ничего такого нет.

Совсем ничего, кроме головной боли и паники.

Надо уходить, пока бородач не проснулся.

Стыдно-то как, господи.

Оглядываю помещение: деревянные стены, диван, на полу раскиданы вещи, на столе бардак, закуска и бутылка водки наполовину пустая. Лишь одно небольшое окно и две двери.

Как можно медленнее и тише двигаюсь в сторону, перешагивая через раскинутые ноги мужчины, диван скрипит, я зажмуриваюсь, он снова кряхтит, чешет грудь, потом яйца.

Как мне развидеть это?

Если я вымою глаза с мылом, поможет?

Одна нога, вот уже и вторая на полу, подбираю платье, натягиваю через голову на голое тело, беру в руки сланцы. А вот теперь стою у двух закрытых дверей, напуганная, вспотевшая, кусаю губы.

Тяну за ручку той, что справа, хорошо, что она не скрипит, но там вовсе не выход, а моечная.

Так, я в бане, это комната отдыха, мойка, дальше парная, у бабы Ани все точно так же. Как раньше не сообразила по развешенным под потолком веникам?

Открываю вторую дверь, яркий солнечный свет бьет в глаза. Интересно, сколько сейчас времени? А если я выйду и наткнусь на соседку, совсем некрасивая ситуация будет.

Обув шлепки, вдоль стеночки иду вперед, надо уходить как можно скорее, и неважно уже, кто и что подумает. Огромный лохматый пес загораживает проход, склонив голову, смотрит с любопытством, высунув розовый язык.

А вот если он сейчас начнет лаять, то сбежится вся деревня, и все решат, что родственница бабы Ани шлюха?

Обычно меня все называют занудой, шлюха – это что-то диаметрально противоположное, ко мне вообще мне не имеющее никакого отношения даже вскользь, ну, сучка еще, да, соглашусь.

– Привет, песик, как там тебя? Грей? Хороший Грей, красивый, самый умный.

Пес, высунув язык еще больше, виляет хвостом, гремит цепью, начинает поджимать уши и лизать руку. Никогда не думала, что меня так любят животные. Или это он просто жалеет меня убогую?

– Хороший, хороший, давай ты меня выпустишь, а я потом дам тебе большую сахарную косточку. Честно-честно.

Он точно все понимает? Или я окончательно сдурела после самогона и ночи с бородатым соседом? Но всему должно быть рациональное объяснение, оно точно есть, я знаю, надо только собрать мысли в кучу, принять контрастный душ и хорошо все обдумать.

Обхожу пса бочком, стараясь не делать резких движений, направляюсь к своему забору, потому что идти к калитке – это, значит, через весь двор, а я не знаю, кого могу встретить.

Впереди забор.

Ну, не такой он и большой, как кажется. Забираюсь на него по наваленным в кучу чуркам, перекидываю ногу, сланец с другой предательски падает на чужую территорию. Грей наблюдает с интересом, задорно гавкает, а я от испуга падаю с забора в огород бабы Ани.

Хорошо, что мое падение пришлось на небольшой куст смородины, но все равно было больно, а еще обидно до слез. Как диверсант, в одном сланце хромаю к крыльцу, зажимая испарянные ветками руки.

Больше никакой деревни. Никогда.

Только цивилизованные Мальдивы, Сейшелы, Европа, в крайнем случае Сочи, а то я так не доживу до рождения племянника и своего двадцатидвухлетия.

Странно, но в доме тихо, пахнет блинчиками, но бабы Ани, которая всегда встает рано, нет. Не успеваю зайти в нашу с Зойкой комнату, как она сама выходит из нее с полотенцем и чистыми вещами в руках:

– О, Маш, а ты где была? Я вернулась недавно, а тебя нет.

– Так я это... смородинку хотела собрать.

– Рано еще для нее. – Зоя смотрит подозрительно, оглядывая все мои царапины и один сланец на ноге. – У соседей, что ли, смородинку собрала и убегала от их волкодава?

– Волкодава?

Нет, Грей не может быть таким, он хоть большой, но добрый.

Только что поняла, что не люблю вот таких прямолинейных родственников.

– Маш, что с тобой?

– Голова что-то болит от вчерашнего самогона.

– Не может быть, от самогона Пашкиного отца никто никогда не болеет. Ты уже умывалась? Пойдем в баню.

При упоминании бани слегка передернуло, но идти пришлось.

Глава 7 Денис

От нее пахло яблоками и деревенским самогоном.

Гремучая смесь для такой дерзкой девочки, что днем грубила, так складно посылая меня на все стороны разом.

Да я и сам был уже не совсем трезвым. Надо было отметить счастливое спасение малышки Маши.

Красивое имя ей идет.

Хотел отвлечь от истерики, они бывают после понимания случившегося. Целовал так, словно это меня ею накрыло, тонул сознанием, сменяя влажные, прохладные и мягкие губы.

А вот сейчас надо было выпить.

Срочно.

Угломонить разбушевавшиеся гормоны, стоящий колом член и гудящие яйца, они и так с утра болели после наблюдения за тем, как брюнеточка обливается водой из шланга. Вода стекала по телу, соски, ставшие твердыми горошинами, торчали сквозь этот, мать его, блядский купальник.

А потом она терлась им об меня на реке так, что член вырывался из шорт, готовый в бой, на любые сексуальные подвиги.

Никогда не замечал за собой такой реакции на девушек, к тому же на таких молодых. Считал себя сдержанным в эмоциональном плане мужчиной, который в тридцать три года умеет управлять эмоциями.

Нет, выпить было жизненно необходимо.

Первые три стопки пошли на ура, потом захотел сорвать свежего огурчика из теткиного парничка. Вышел из своего логова, вдохнул прохладного ночного воздуха полной грудью и выдохнул с трудом.

По двору в мою сторону медленно двигалась фигура, а собака, этот сторожевой грозный алабай, просто сидел и вилял хвостом.

Скотина такая.

Брюнеточка, это была она.

Ее фигурку не узнать было невозможно. Светлый сарафан мелькал пятном в ночи. Она застыла на месте, было слышно, как тяжело дышит, а пес терся рядом.

– Грей, фу! Место.

– Ой!

– Вот тебе и ой. Ты все-таки утонула и явилась ко мне?

– Нет... я не знаю... я...

Отблагодарить, что ли, пришла? Ну, кто ее знает, эту молодежь, как у них это принято, вечером – я спаситель, ночью – принимаю ласки от спасенной.

Что за чушь только не ползет в голову с перепоя.

– Напилась?

– Нет.

– Сегодня можно, в день рождения можно все.

Не удержался, поцеловал снова, обхватив лицо одной рукой, так по-животному проникая в рот языком, всасывая губы, тут же облизывая их. Рядом с ней во мне просыпается некий дикий зверь, он хочет взять, терзать, вонзаться клыками и ногтями в нежную плоть.

Это точно недотрах.

Месяц не было секса, как Ева выдала, что нам надо расстаться, ей духовно расти, собрала чемодан и укатила с подружками на папины деньги в Сочи.

У девочки знакомый вкус на губах, улыбаюсь, облизываясь, словно попробовал сладкую конфетку.

– Что пила? Самогон?

– Да, – отвечает с легким стоном, прижимаясь ближе, снова чувствую ее твердые сосочки сквозь тонкую ткань. – Пашка сказал, первак.

– Хорошая вещь. А кто у нас Пашка?

– Сын кузнеца.

– Романтично. На сеновал уже ходила?

– Сеновал? Нет, он Зойкин парень.

Даже как-то отлегло, что этот сын кузнеца – не ее ухажер.

Она что-то там пробубнила, не разобрал, лишь подхватил на руки и понес в свою берлогу получать награду за спасение. К черту закуску и огурцы, к лешему водку, когда рядом вот такой шикарный, сносящий мозги антидепрессант.

Легкая, словно пушинка, так идеально помещающаяся у меня в руках. Ногой открываю дверь, не включая свет, укладываю свою ношу на диван, скидывая на ходу сланцы и шорты.

Она лишь стонет, когда расстегиваю на ее сарафане мелкие пуговицы, готовый вырвать их одним движением. Что-то пытается сказать, но потом хихикает, потому что я пытаюсь развязать одну из ниточек купальника, щекочу ее.

Колотит всего от нетерпения. Член стоит колом, слегка массирую его, оттягивая крайнюю плоть, размазывая по головке выступившую влагу.

А когда в моей ладони оказывается ее обнаженная небольшая грудь, мы громко стонем одновременно.

Вот же дьявол, такая бархатная и нежная кожа, набухший сосочек перекаत्याю пальцами, целую шею; малышка стонет, выгнув спину, жметесь плотнее.

Кусаю, засасывая кожу, спускаясь губами вниз, хочу ее сосочки. Устроившись между раздвинутых ног, припадаю к груди, голодный и озабоченный.

Они у нее прохладные, а еще идеальные. Сжимаю руками полушария, облизывая соски, готовый слить прямо так, если бы она меня трогала. Девочка стонет, еще больше выгибает спину, а я, спускаясь вниз, стягиваю трусики, откидываю их в сторону.

– Ох ты, черт, девочка. Откуда ты такая взялась? Какая гладенькая у тебя малышка.

Массирую половые губки, именно губки, потому что назвать иначе не могу. Сглатываю скопившуюся во рту слюну, хочу попробовать их на вкус. Вылизать, трахая языком, заставить ее течь на мои губы.

Дергаю на себя, встречая слабое сопротивление, она снова что-то бормочет, не понимаю, кровь шумит в ушах, член дрожит, яйца поджаты.

В голове лишь желание обладать.

Трусь отросшей в бороду щетиной о бедра, веду носом, вдыхая диким зверем ее природный запах, он будоражит и возбуждает до предела.

Жадно касаюсь лона губами, лижу, засасываю, веду языком вверх, задевая клитор, дразню его языком. Девушка стонет громче, падает на спину, раскидывает руки по дивану, пытается вырваться, хватаясь за смятое белье.

А я, высунув язык, вылизываю ее малышку, собирая соки возбуждения. Она такая сладенькая, так бы и сожрал. Или это водка местная пробуждает во мне зверя? Голодного до кунilingуса, который я, в принципе, делаю не так часто.

Совершенно гладкие половые губки, они припухли и стали еще больше, засасываю клитор. Девушка стонет громче, приподнимая бедра, срывает голос, кончает на моем языке, так сладко дрожит всем телом.

Да чтоб меня.

Облизываюсь, как довольный, но голодный мартовский кот, приподнимаюсь, двигаясь ближе, готовый наконец получить свою порцию удовольствия.

– Потерпи, милая, я сейчас. Ведь ты не против презерватива?

Глаза привыкли к темноте, вижу, как она часто моргает, кивает.

Мечусь по комнате отдыха в поисках презервативов, они точно должны быть, хотя бы из старых запасов. Шарю по карманам, потом по сумке, проклиная все на свете, но не по соседям же идти сейчас просить и не к тетке: «Тетя Марина, дайте презерватив, трахаться хочется, мочи нет».

– Кретин чокнутый, ну где же вы, суки латексные?

Нахожу единственный экземпляр с затертой фольгой, надрываю упаковку, читать срок годности нет времени, напяливаю на пульсирующий член. Но как только разворачиваюсь, готовый совершить секс-марафон, застываю, не двигаясь с места.

Она спит.

Просто спит.

Обнаженная, желанная, пьяная. Красиво отклячив свою идеальную загорелую попку с маленьким белым треугольником от трусиков, обняв подушку.

– Вот же сучка маленькая, получила, что хотела, и заснула?

Вздыхаю, смотрю на свой член, зажатый в резине, стягиваю, кидая теперь уже бесполезную вещь на пол. Беру со стола бутылку водки, делаю несколько больших глотков. Алкоголь обжигает горло, горячей волной скатывается вниз, но легче не становится.

– Надо потерпеть до утра, дружок, там-то она от нас никуда не убежит, еще интересней будет. Мы же ей покажем, как надо просыпаться, еще добавки просить будет.

Разговариваю с членом.

Все. Занавес.

Зайдя в мойку, обливаю нижнюю часть туловища холодной водой, остужая свой пыл, чтоб не пришлось передергивать, глядя на спящую девушку, и уже окончательно ставить на себя клеймо извращенца.

Укладываюсь рядом, рассматривая ее.

Маша или Мария?

Нет, Мария ей не идет. Слишком официально для такой горячей и дерзкой девочки.

Курносый носик, пухлые губки, густые ресницы, на плече россыпь родинок. Мечта извращенца, падкого до малолеток.

Где мне записаться в их ряды?

Глава 8 Маша

- Ты сланцы-то где потеряла?
- Наверное, во дворе.
- А чего заторможенная такая?

С самого раннего утра и наверняка после бессонной ночи Зоя была полна оптимизма, задавая миллион вопросов.

В небольшой старой баньке было не так светло, скинула халат, сразу проскочив в моечную, уселась на лавку.

- Ой, спать хочу, не могу, Пашка, паразит, всю ночь не давал покоя.

Зоя хоть помнит, с кем была и что было, в отличие от слабенькой на передок – это, кстати, тоже Пашкино выражение – и падкой на самогон городской девицы, дочери олигарха.

Ха-ха три раза.

- Избавь меня от подробностей.
- А чего такого? Чай, не девочка уже.

А вот это под большим вопросом.

Господи, да что ж так нехорошо-то?

– Баба Аня не заходила? Нет? Вот и ладненько, может, и не заметит, что меня не было, а то быстро начнет намекать Пашкиному отцу на свадьбу. А я не готова, нет, ну какая из нас пара? Он тут, я в городе...

Зойка как радио отвлекала болтовней, я налила воды в таз, умылась. Распустила волосы, они пахли сухой листвой и древесиной, также как в том помещении, где я проснулась.

– Зой?

– М-м-м?

- А тот мужик, бородатый, что сосед через забор, ты не знаешь, кто он?
- Не знаю, надо спросить у бабы Ани, она с тетей Мариной дружит, это хозяйка дома.
- Наверное, родственник ее, как думаешь?
- Может быть. Слушай, сегодня тут, типа, вечеринки намечается, гуляния в ночь на Ивана Купалу, песни-пляски-хороводы, венки из цветов и прыжки через костер. Надо обязательно идти.

– Ой, не знаю.

– Ну, на Ибице такого точно не встретишь, надо идти. Пашка обещал, будет весело, с ребятами тебя нормальными познакомим, а то сидишь там, в папином офисе, как мышь канцелярская, кроме учебников, ничего и не видишь, мне Дашка рассказывала, какая ты заучка.

– И ничего я не такая.

Зоя плюхнулась, как тюлень, обливая меня водой, а мои мысли бродили как пьяные по затуманенному мозгу, не выдавая ни одного нормального варианта того, что произошло ночью.

– Зоя! Зойка! Зоя! Встречу твоего Пашку, уши оторву паразиту. Все цветы мне подавил у забора, скотобаза такая. Зараза какая противная, вот увижу я его еще раз на этом драндулете, колеса спущу.

– Вот же черт.

Зоя сморщилась, быстро ополоснулась, выскочила за дверь:

– Да они так и были подавленные, это дядя Степан на грузовике два дня назад попортил, он привозил соседям диван новый.

Как скучно я живу в городе. Тут и цветы дают, и диваны привозят, и Пашка паразит, и незнакомые мужчины спасают, целуют, а потом носят на руках и...

А вот дальше была заминка. Но мое внутреннее ощущение говорит о том, что мне было хорошо.

Облокотилась о стену, прикрыла глаза. Голоса удалялись, но баба Аня все так же ругала Зойкиного ухажера. Воспоминания вспышками мелькали перед глазами.

Ночь, большой пес мордой утыкается в руку.

Полумрак.

Мужчина.

Поцелуй.

Его губы и руки на моем теле.

Он делает все жадно, покусывая кожу.

Я выгибаю спину в ответ, голова идет кругом, задыхаюсь, когда он царапает внутреннюю сторону бедра бородой, а потом...

Господи.

Резко открыла глаза, поняла, что трогаю себя за грудь, как она болезненно ноет, сжимаю сосок. Живот тянет, спускаюсь рукой между ног, трогаю пальцами возбужденную плоть, задевая клитор.

Прикусываю губу, чтоб не стонать в голос, когда вспоминаю, как мужской язык вылизывали меня от самого ануса до клитора, засасывая его, пуская по телу волну наслаждения.

Вздрагиваю, надавливая сильнее на чувствительный бугорок, раздвигая колени шире, двигаясь бедрами навстречу. Это что-то невероятное, не могу остановиться, если сейчас кто зайдет, не знаю, как буду оправдываться.

У меня никогда не было секса, да, я девственница, и вчера была моя первая ночь с мужчиной, который делал мне куннилингус, а я кончала на его языке и губах.

– Ох-х-х-х-х... боже мой... а-а-а-а.

Натираю клитор сильнее, несколько движений, внутри все вибрирует, меня трясет, кончаю, зажимая руку бедрами, заваливаюсь на стену, часто дышу.

Что это вообще сейчас такое было?

Нет, я не ханжа, я трогала себя и раньше, и кончала, и смотрела порно, но чтоб вот так, при одном только воспоминании, ничтожных обрывках памяти, это странно.

А что было потом?

Выравниваю дыхание, умываюсь, снова напрягая память, но дальше только чернота и пустота. Снова болит внизу живота, как перед месячными.

Неужели все-таки был секс?

А вдруг я заснула, а он воспользовался мной?

Нет, не может этого быть. Сначала спас, а потом изнасиловал?

Как вообще такое можно забыть? Свой первый раз? Не знать даже имени первого мужчины?

Дашка будет долго смеяться, когда ей расскажу.

Я привыкла думать, а потом делать, что сейчас пошло не так? Летняя ночь? Крепкий первач? Мое чудесное спасение и спаситель? Я была на грани жизни и смерти, это шок, стресс. Да, точно, только так можно все объяснить.

Мне ещё не хватало праздника Ивана Купалы, прыжков через костер и вождения хоро-
водов.

Чтоб я опять там выпила чего лишнего и меня бы накрывала полная амнезия. И где там хоровод будет, еще неизвестно.

Нет, с меня хватит экзотики. Надо собираться домой, но тогда папа будет пилить меня год, что я не выдержала слияния с природой, сбежав из деревни на третий день.

Так не пойдёт, Дымова Мария не сдаётся просто так, меня отпустили на две недели, придется отдыхать и наслаждаться природой и местным колоритом, как и местными жителями.

И неважно, что они бородатые, здоровые, накачанные мужики.

Неспешно помылась, все-таки для меня баня – это уже экзотика, вода была прохладной, она приводила в чувства и бодрила. Когда вошла в дом, вытирая на ходу волосы, пахло блинчиками, в животе заурчало. Зоя уже сидела за столом, опустив голову, сопела в тарелку.

– Машенька, деточка, давай налетай на блинчики, а то эта проглотина все слопает.

– Ба, ну чего опять-то?

– Ой, молчи лучше, бедовая, только парню голову кружишь, приехала, хвостом махнула, а ему потом страдать до зимы. А мужик ведь долго ждать не будет, найдет, что рядом, и уложит под бочок.

– Да и пусть, мне-то что?

– Ей-то что? Деловая какая, потом сама слезы будешь лить. Машенька, давай, деточка, кушай, а то худеющая, смотреть больно на тебя.

Мне больно было смотреть на внушительную стопку блинов, тарелку сметаны и блюдце варенья. Но выбирать не пришлось, обезжиренный йогурт после вчерашнего самогона – это смешно.

– Очень вкусно, спасибо, баба Аня, – говорю с набитым ртом, запивая вкуснятину чаем с мятой и зверобоем, это мне еще вчера рассказали.

– Да, вас там, в ресторанах, не пойми чем кормят, просрочкой и отходами.

– Папа нанял нового повара, вроде вкусно все, но ему нет почти никакой работы, папа в командировках, я на учебе, Дашка уехала.

– Ой, я так рада за Дашеньку, такая красивая пара. Скоро и детки пойдут, счастье-то какое.

Баба Аня уселась рядом, поправила красные бусы на шее, отодвинула от Зойки сметану в мою сторону.

– Да, в ноябре уже родится.

– Ба, а кто к соседям приехал жить? Мужик какой-то, мы вчера видели, бородатый...

Зойка задала вопрос, я перестала дышать, может, вот сейчас узнаю его имя. Моего спасителя и пока еще теоретически первого мужчины.

– Так это племянник Маринкин, Дениска.

Кусок блина не полез в горло, я поперхнулась, жадно запивая чаем.

Дениска?

Просто Дениска?

Этот здоровый татуированный бородач с внушительным агрегатом между ног – всего лишь Дениска?

Как мило.

Может, он еще мой ровесник? Но, судя по количеству пустых бутылок алкоголя, что я заметила, сильно плохо выглядит.

– Ах ты, черт, гуси ушли в огород.

Женщина всплеснула руками, приподнялась, выглядывая в окно, мы стали смотреть туда тоже. Гуси действительно вышли в огород и уже доедали салат.

Бабуля убежала, мы с Зоей засмеялись.

– Вот наверняка те цветы гуси потоптали, а не мой Пашка.

– Он уже твой? Кто-то недавно говорил другое.

– Ты только не начинай, давай наедай жирок, и пойдем загорать.

Глава 9 Денис

Сижу за кухонным столом, ковыряясь ложкой в супе, тетка суется рядом, башка раскачивается, член стоит.

С каких пор я стал таким озабоченным?

Моя ночная гостя убежала утром, испарилась с первыми лучами солнца, оставив на полу яркий купальник и один сланец на куче чурок. Почти Золушка из сказки.

Через забор, что ли, полезла?

– Ешь давай, а то печень скоро работать перестанет, совсем запислся, отцу с матерью все расскажу, пусть приедут, полюбуются на единственного сына. Большой, а ума так и нет, хоть и образованный.

– Тетя Марина, прекрати.

– Ой, гляди, ему стыдно. Неужели?

– Не начинай.

– Так я не начинала ещё, бить тебя некому, а я всего лишь ругаю.

– Вот на этом спасибо.

Смотрю в окно, начинается жаркий день, да, с алкоголем надо завязывать, а то скоро сам засну в постели с красивой девушкой, так и не приступив к главному.

Качаю головой, вспоминая, что было ночью. Сорвало с цепи меня, накинусь голодным зверем, вылизал девчонку так, словно делаю это постоянно. С таким упоением и наслаждением, как оказавшийся в конфетной лавке диабетик.

Проснулся утром, простынка торчит ниже пояса, яйца ломит от боли – перестоял мой верный друг. Снова прикрыл глаза, вспоминая, что утром ведь обещал ему добраться до девчонки. И с каких это пор я стал разговаривать с членом и что-то ему обещать?

А вот именно с тех, как повстречал эту дерзкую брюнеточку, которая вызывает во мне два желания: трахнуть и отшлепать. Вспомнил, как целовал ее, нес на руках, снимал сарафан и купальник, как ее тело идеально подходило к моему, как лизал соски, а потом и нежные припухшие половые губы.

Вот же черт.

Лежа на диване, сжал стояк, прошелся по нему несколько раз. Месяц воздержания дал себя знать, но я ведь не такой, чтоб моментально кидаться на каждую женщину и трахать все, что шевелится.

Я точно не такой?

Или уже такой?

Твою же мать.

Наяривал член с упоением, в голове яркие картинки дерзкой и такой сладкой брюнеточки.

Маша. Что же ты делаешь со мной, Маша?

Долго ждать не пришлось, кончил с глухим рычанием себе в кулак, спермы было так много, что замарал все вокруг, самого трясло, как подростка, что мастурбирует по утрам каждый день.

Тетка что-то рассказывает, а я в воспоминаниях. Ложка падает в тарелку.

– Тебе плохо, Денис?

– Все нормально.

– Руки уже трясутся как у алкаша.

Да если бы как у алкаша. Член все равно стоит все утро, ерзаю на табуретке.

– Так вот, Леночка – это дочь бухгалтерши из управления, такая мастерица, ты бы видел, как она вышивает, все белье в цветах и вензелях. Самой тридцать лет, замужем не была, но

жила в городе пять лет с каким-то прощелыгой. Тот все обещал жениться, да пока обещал и пока Леночка работала, закрутил с другой, а она забеременела.

Не понимаю, к чему тетка рассказывает мне этот деревенский сериал? Но ее болтовня отвлекает от ночных мыслей и от воспоминаний упругих грудей с твердыми сосками моей брюнеточки.

Неужели уже моей? Быстро я.

Хотя что меня останавливает? Я месяц как свободный мужчина, не обремененный ничем, кроме работы, но та начнется в сентябре. Я вполне могу себе позволить курортный... нет, деревенский роман.

– Вот, а Светочка...

– Дочь главного агронома?

– Почему агронома? Нет, у него трое сыновей.

Тетка смотрит в недоумении, округлив глаза, а мне хочется смеяться в голос, но держусь.

– Извини, просто решил угадать, чья Светочка.

– Она дочь главного инженера, выучилась на педагога, в школе ребятишкам историю преподает.

– Коллега, значит, ну так, чем талантлива она?

– Ой, ты все смеешься, Дениска, а я, вообще-то, серьезно говорю, пригляделся бы к девушкам, молодые, в самом соку, неровня твоей, прости господи, Еве. Воспитанные, скромные, хозяйственные.

– Вот не начинай снова.

– А хоть начинай, хоть нет, факт остается фактом. Где сейчас твоя Ева? Жена называется. А то-то, потому что ни стыда, ни совести, ни воспитания. Все по клубам да по барам, то она модель, то актриса, мне мамка твоя все рассказывала, как ты с ней мучаешься...

Все, началось, надо убегать.

– Давай я тебя познакомлю, такие хорошие девочки, косы до пояса, фигуры статные, а хозяйки какие отменные. Не то что городские пигалицы, там-то и девочек в пятнадцать лет днем с огнем не найдешь. Вон, к Анне приехали две, я очень уважаю соседку, но девки ее – это срамота полная.

Настораживаюсь, потому что понимаю, что разговор идет о двух соседках. Одна из которых забыла у меня свой яркий купальник. Кстати, не из дешевых, судя по эмблеме.

– А твои, стало быть, в тридцать девственницы?

– Нет, но понятия о чести знают, каждый ошибается. – Тетя Марина состроила невинные глазки, забавная такая, люблю ее.

– Так у нас смотрины намечаются?

Отводит взгляд, начинает суетиться на кухне, убирая со стола тарелки, ставит чайник, достает варенье и оладушки.

– И, Денис, побрейся, пожалуйста, похож на деда, словно не молодой мужчина, а алкаш запитый.

Чешу бороду, свыкся уже с ней, жалко сбривать.

– Так сейчас модно, она придает брутальности и стиля.

– Ну, не знаю, у нас это называется – глубокий запой.

Снова смотрю в окно на соседский забор, значит, стыдоба, а не соседки. Но мне очень даже одна из них понравилась, во всей своей прекрасной и соблазнительной стыдобе.

Лает собака, но хоть какая-то от нее польза, а то ночью молчал, очарованный Машей, как и я.

Два идиота. Только один вилял хвостом, а я – торчащим членом.

– Тетя Марина, доброе утро.

Оборачиваемся, на пороге стоит девушка, темно-русая коса лежит на полной груди, размера так хорошего третьего. Голубое платье в мелкий цветочек до колен. Глубокое декольте, круглое лицо, на щеках румянец, на носу веснушки, она смущенно улыбается, опуская глаза, моргает ресницами.

Интересно, это Светочка или Леночка?

Я вот сейчас совсем не готов к смотрам, если придется встать и поздороваться, то мой стояк будет воспринят как комплимент даме. Но эта дама может не оценить.

– А я вот молочка парного принесла.

– Лизонька, деточка, какая ты молодец. Проходи, не стой на пороге.

Лизонька? Такой кандидатки в списке не было.

– Познакомься, это Денис, племянник мой, приехал погостить, не забывает тетюшку, а то все по морям и курортам. А дров кто наколет старушке?

– Тетя, ну какая из тебя старушка?

– Так седьмой десяток пошел, как не старушка?

– Вы очень хорошо выглядите, тетя Марина, вам никто и не даст ваш возраст.

Лизонька садится рядом, сразу практически уронив грудь на стол, ведет по ней пальцами, убирая косу за спину. Надо бы позвонить Никите, пригласить его на пару дней сюда, мой друг ой как любит вот такие типажи, да он всех баб любит без разбора.

А если здесь все такие манящие и готовые на контакт Лизоньки, Леночки и Светочки, надо звонить Никитке.

Точно, точно, надо звать, чтоб спасал меня от напора голодных аборигенок.

– А вы слышали, сегодня гуляния будут, у нас каждый год гуляния в ночь на Ивана Купалу. Не хотите пойти?

Это она сейчас мне?

Лизонька смотрит влажными, как у недоенной телочки, глазами, облизывает губы, нет, не мой типаж, да и сил не хватит. Здесь нужна тяжелая артиллерия.

Тетка за ее спиной кивает и показывает большой палец.

Нет, я столько не выпью точно.

Глава 10 Маша

Как хорошо.

Тишина.

Птички, тихо шумит на ветру листва. Не раздражают даже куры, что копошатся в курятнике. А главное, не слышно постоянной болтовни Зойки: какой у нее замечательный Пашка, как ей с ним хорошо и что бабуля только зря придирается.

Верю, что хорошо, даже завидую немного, что у меня в почти двадцать два года не было и нет вообще никаких отношений. Что молодость проходит мимо, вместе с ее глупостями и спонтанными поступками. Еще я девственница, но это неточно.

А я, как заучка, пропадаю то в офисе у папы, то над учебниками, то на деловых встречах. Папа говорит, что вся надежда семьи только на меня, иначе бизнес пойдет под откос, как товарный поезд, сошедший с рельсов, поэтому везде таскает меня за собой. Но, что удивительно, мне это нравится.

Тишина.

Расслабляюсь, удобней устраиваясь на раскладушке. Мой любимый купальник остался победным трофеем в чужой бане. Пришлось порыться в Зойкином шкафу и найти комплект пятилетней давности на три размера меньше, чем у нее сейчас.

Как же хорошо.

И я больше не стану думать о прошедшей ночи, спишем все на стрессовое состояние, алкоголь и слишком наглого мужика. Я все еще девственница, я чувствую это, а нутро не обманешь. Только смущали пара синяков на теле и небольшой засос на груди. Но зато будет что вспомнить в старости.

Зоя убежала к Пашке, баба Аня возится в доме, я наслаждаюсь тишиной, сливаясь с природой и каникулами.

Удар.

Еще удар.

Снова удар.

Приподнимаюсь, смотрю по сторонам, что-то забивают или колотят, не понимаю. Звук идет из-за соседского забора. Глубоко дышу, вспоминая все практики, которым учит йога.

Удар.

Снова удар.

Еще удар.

Сажусь, потираю виски – и без того почти бессонная ночь вызвала головную боль, а еще алкоголь и мысли. Так тут еще вот это. Что за люди?

Поправляю панамку, надеваю калоши, потому что один сланец где-то безвозвратно потерян. Медленно иду к забору, удары продолжаются.

Как назло, не одной щелки, пробираюсь между кустов многострадальной смородины, в которую я упала утром. Забираюсь на выступ, поднимаясь выше, заглядываю через забор.

С полминуты просто наблюдаю. Потому что то, что я вижу, действительно впечатляет. Моргаю несколько раз, снимая солнцезащитные очки.

Дениска.

Но ведь именно так его назвала баба Аня? Я запомнила.

Но в моем представлении Дениски выглядят совсем не так.

На моих глазах здоровый, накачанный, татуированный, бородатый мужик, в повязанной на голову бандане, в одних пляжных шортах, колет дрова.

Стало еще жарче.

Я и не думала, что так могу реагировать на перекатывающиеся под загорелой кожей мышцы, на широко расставленные ноги, упругие ягодицы, вены, что красивым рисунком выпирают на шее.

Боже мой!

Вот он ставит одно полено на другое, берет топор, сжимает пальцами, именно ими он трогал меня между ног так, что я прямо сейчас начинаю возбуждаться.

Встает устойчивее, облизывает губы.

Вот же черт!

Именно ими он целовал там, где до этого трогал пальцами. Я чувствую, что теку, реально теку, соски затвердели, грудь болезненно заныла.

Замах.

Удар.

Полено раскалывается на четыре части, мелкие щепки летят в стороны.

– О-бал-деть.

– И тебе, малышка, привет.

Я сказала это вслух?

Улыбается.

Наглый, уверенный, татуированный, весь блестящий от пота, подбрасывает топор в воздух, он ловко втыкается в полено.

А потом он берет бутылку с водой, начинает пить, половина ее не попадает в рот, стекает по шее, груди, плоскому, с кубиками пресса, животу.

Чтоб меня!

– Насмотрелась?

– Вот еще. Вы мешаете мне отдыхать. Можно все делать чуть тише?

– Конечно можно, принцесса, если покажешь, как наколоть дров бесшумно. Да, кстати, милые горошинки.

Указывает пальцем на мою грудь, хватаюсь за нее, потому что понимаю, что сквозь ткань купальника видны торчащие соски.

– Я про бикини в горошек. А ты о чем подумала? Испорченная девчонка. Ничего не потеряла?

Медленно подходит ближе, вытирая мокрые губы, шурится на солнце, вот он уже совсем рядом, забравшись выше, хватается руками по обе стороны забора от меня.

– Потеряла. Вернете?

– Не-а. Мне нравится, как он пахнет.

По спине побежали мурашки. Какая вроде бы пошлость, но в папином гараже от водителей я много что слышала с детства, там же и нахватаюсь подобных словечек.

– А туфельку? Тут одна золушка убегала, потеряла туфельку. Вернуть?

– А вот ее хотелось бы вернуть, в калошах неудобно.

– Тебе идет. Маша, ведь так?

Мужчина смотрит за мою часть забора на черные блестящие калоши, ощущая его взгляд, который проходится по бедрам, животу, груди.

– А вы Дениска?

– Дениска? Аха-ха-ха-ха, боже мой, какая ты забавная.

Забавная? Он что, юмористическую передачу смотрит? Я никогда не была забавной. Стервой, сучкой, занозой в заднице, пробивной зубрилкой, но точно не смешной.

– Меня зовут Денис. А то, можно сказать, провели ночь, но так и не познакомились.

– В некоторых случаях это даже лишнее.

– Большой опыт?

Промолчала, продолжая его разглядывать. Нет, ему точно лет тридцать: мелкие, чуть заметные морщинки вокруг глаз – они у него серо-зеленые, с темными ресницами, густые брови, а вот борода и волосы светлее.

– А как по отчеству?

– Зачем? После того как ты кончала на моем языке, нужно отчество?

Понимаю, что краснею, опускаю глаза, как пятиклассник, получается так, что смотрю на его пах, а там явно выпирает что-то внушительно.

– Он тоже расстроился, когда ты сбежала.

– Хорошо, не буду вам мешать, смотрю, дел еще полно.

– А ну, стоять!

Не успеваю спуститься, как меня хватают за шею, панамка падет с головы, волосы рассыпаются по плечам, очки летят в кусты. Я вскрикиваю, а он целует. Жадно впиваясь в мои губы, проталкивая свой наглый язык, касаясь моего.

Всего несколько секунд, я теряю равновесие, но мужчина держит за шею, продолжая целовать посреди огорода. В груди разливается жар, спускаясь вниз живота. Оказывается, я очень легковозбудима. Или это именно он так на меня действует?

Скорее всего, овуляция, я читала, это заложено природой, женщина на уровне инстинктов готова размножаться с кем попало, когда ее организм готов к этому.

– Перелезай обратно.

– Что?

– Или мне перетащить тебя? Надо закончить, что начали.

За кого он вообще принимает меня? Что я сейчас такая выпрыгну из трусов и побегу к нему на диван? Хотя уже было дело – выпрыгивала. Но это ровным счетом ничего не значит.

– Давай соглашайся, я снова поласкаю твою малышку.

Не удержалась. Размахнулась, залепив пощечину, как оскорбленная дебютантка на балу. Ладонку обожгло.

– Найди себе другую малышку, маньяк чертов.

– О, и это вся благодарность за спасение принцессы?

Спрыгиваю с выступа, гордо шагаю к раскладушке, волосы мешают. На ходу собираю их резинкой с руки в высокий хвост.

– На том свете зачтется.

– Вот же сучка вредная.

– Хамлю.

И чего опять завелась?

А вот не надо так со мной, я не какая-то там местная простушка, что поведется на пару комплиментов. Мария Дымова должна вести себя достойно, в нашей семье хватит одной наследницы, которая думала не головой, а своей «малышкой».

Скидываю калоши, ложусь под тень яблони, чувствую, что он все еще смотрит на меня.

Тоже мне, малышку на ночь нашел!

Глава 11 Денис

Лизонька, конечно, была бесподобна и неподражаема, я не встречал таких девушек давно. Даже первокурсницы с периферии выглядели куда современной.

Девушка смушалась, краснела, облизывала губки, то теребила косу, то невзначай касалась груди. Сквозь тонкую ткань сарафана были отчетливо видны соски. Лифчик, значит, в это время года у местных не популярен. А я понял лишь на десятой минуте нашего знакомства, что не такая она и простая.

Все эти женские уловки, ужимки, у них одна цель – соблазнить меня. Надо срочно вызывать Казанцева. Вот он ей в уши запоет такой трелью, что про трусы Лизонька, а также Светочка и Леночка забудут надолго.

Спас телефонный звонок.

Но чувствую – еще немного, и тетя Марина тактично уйдет кормить кур, оставив нас с Лизонькой в максимальной близости наедине друг с другом. Не удивлюсь, если у нее сейчас свежим бельем застелен гостевой диван.

– Извините, срочный звонок. Мир в опасности.

Вышел во двор, звонил как раз верный друг:

– Ну, как ты там? Не спился ещё?

– Не дожدهшься.

– Как настроение?

– Тебя мать послала позвонить? Все со мной хорошо, вены резать не собираюсь, веревку, чтоб повеситься, не нашел, да и водка слишком вкусная, только она и держит.

Друг смеется, я осматриваю двор, натыкаюсь взглядом на женский сланец – черный с розовыми фламинго. Вполне в стиле обломщицы, знойной брюнеточки.

– Никто меня ни о чем не просил. Соскучился по другу.

– Я тоже скучаю, любимый, приезжай.

– Дурак совсем!

– Шучу, не люблю тебя нисколько, ты противный и бабник.

Подбираю сланец, став на так и не наколотые дрова, заглядываю на соседский участок. Как там тетка назвала – стыдоба, а не соседки? Вот бы мне ту стыдобу отшлепать этим сланцем.

Довела до того, что дрочил утром, заливая спермой все белье, так что пришлось стирать.

Вижу, как Лизонька выходит из дома, машу ей рукой, она в ответ улыбается, кокетливо строит глазки.

– Никитос, ты, вообще-то, отдохнуть не хочешь, нюхнуть навоза, выпить самогона, слиться с природой и с местными нимфами?

– Есть достойные экземпляры?

– Все как ты любишь, в самом соку, слезать с тебя не будет.

– Говори адрес.

Простились на хорошей волне. Не думал, что Никита так быстро согласится, но его бизнес позволяет отлучиться на несколько дней. Он из всей нашей компании, что выросли в одном дворе, самый успешный. Владелец сети магазинов женского нижнего белья. Обещал приехать к вечеру, Казанова чертов.

Я всего лишь преподаватель нескольких экономических дисциплин в университете, но теперь уже бывший, потом что уволился. Подал резюме в одну очень крупную компанию в надежде на то, что мои знания аналитики в экономики могут быть востребованы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.